

УДК 141.201 ББК 87.3(4/8)

*М.И. Яновский, Л.В. Яновская***АРИСТОТЕЛИЗМ КАК ОСНОВА ЗАПАДНОЙ КАРТИНЫ МИРА**

Есть основания полагать, что учения Аристотеля, его способ мышления, существенно повлияли на формирование определенных базовых структур западной картины мира и мышления западного человека. К особенностям схем мышления Аристотеля можно отнести: эгоцентризм в основе понимания реальности; феноменологизм (использование в теоретических построениях форм и явлений (phenomenon) в отрыве от сущности (essence)); отношение к форме как самодовлеющему началу, в отрыве от содержания; аристотелевский метод мышления предполагает подобия, но не предполагает возможности равенств, тождеств; поэтому в аристотелевской картине мира структура его возможна лишь как иерархическая; использование близкой к бытовой – телеологической – причинности, что приводит к пониманию мира как системы фиксированных мест, со своими «вложенными», априорными целями; сочетание в картине мира двух схем: иерархизма и системы мест – порождают представление о мире как иерархической системе фиксированных мест; так понимается и физический, и социальный, и психический миры; представление о мире как иерархической системе фиксированных мест приводит к общей схеме понимания мира, служащей матрицей для понимания и других объектов (например, человека): мир имеет центр и периферию, причем центром является низ, а верх – периферией; в центральности низшего и периферийности высшего – глубокая амбивалентность; отрицание бесконечности, свойственное аристотелизму, отрицает возможность какой-либо другой картины мира и содержит имплицитное отрицание его реальности. Эти мыслительные схемы можно рассматривать и в определенной мере как ключ к западному мышлению и западной картине мира.

Ключевые слова: Аристотель, картина мира, Запад, эгоцентризм, феноменализм, бесконечность, когнитивная схема, телеологизм, система фиксированных мест.

DOI: 10.35634/2412-9550-2019-29-4-402-412

Аристотель – один из авторов западной картины мира

В наше время обострились и обнажились мировоззренческие и ценностные расхождения Запада и Востока, в т.ч. европейского. Тем актуальнее выяснить, на чем основывается западная картина мира в наиболее общих его характеристиках.

Ф.М. Достоевский считал, что сердцевиной западной цивилизации явно или неявно является католицизм, с его мессианизмом, переплетенным с притязаниями на власть. Принимая это утверждение, попробуем описать и проанализировать еще один из источников, безусловно не претендующий на полноту охвата ее основ.

Существует философ, ученый, мировоззрение которого оказывало свое влияние на европейские умы около 2000 лет. Речь об Аристотеле. По мнению историков, «аристотелизм господствовал в мировой науке вплоть до XVII–XVIII вв.» [15]. Влияние Аристотеля таково, что его именуют «отцом науки» [15]. Действительно, с IV в. до н.э. и по XVI–XVIII вв. не только в философии, но и в физике, логике, психологии, политических учениях, теории литературы концепции Аристотеля расценивались как наиболее системные и убедительно аргументированные. Порой они даже приравнивались к религиозным догмам. Понятия, введенные им, до сих пор составляют активный тезаурус философии и науки. По формирующему влиянию на западную картину мира Аристотель, возможно, сопоставим с влиянием церкви (и, конечно, превышает своего «друга» Платона). Тем более что западная церковь, в лице Фомы Аквинского – своего самого авторитетного богослова, приняла его как одну из главных опор в богословских вопросах. Утверждают даже, что «Аристотель – политический отец Европы» (из лекции Алексея Мареев, доцента ВШЭ [12]). Красноречивая иллюстрация значимости Аристотеля – факт сожжения католической церковью в начале XVII века Дж. Бруно. Одной из главных причин было посягательство Бруно на аристотелевскую геоцентрическую картину мира, «освященную» приписанными ей религиозными смыслами. Очевидно, что Аристотель, столь защищаемый и так долго задававший основные понятия и представления интеллектуальной элиты Запада, не мог не повлиять и в целом на мировоззрение и менталитет Запада.

Можно полагать, что западная картина мира, несмотря на изменения, возникшие в новой и новейшей науке, на уровне определенных своих базовых структур размечена и «отформатирована»

Аристотелем. Рискнем предположить, что эти структуры в той или иной степени сохраняются, несмотря на смены эпох и парадигм, и достаточно последовательно реализуют определенный тип структурирования ментального пространства.

Прежде чем переходить к анализу особенностей структурирования, привнесенного Аристотелем, отметим, что препятствием его критическому анализу может быть сохраняющийся и в наше время уровень авторитета Аристотеля и его концепций. В свое время интеллектуальная смелость и трезвый взгляд привели Дж. Бруно к неприятию аристотелизма, за что он заплатил высокую цену. Позиция мыслителя заслуживает, чтобы мы отнеслись к ней серьезно.

Каковы главные черты аристотелевской картины мира?

Феноменализм аристотелевского мышления

Дж. Бруно высказывался об Аристотеле шокирующе жестко: «невозможно найти другого, который под именем философа измышлял бы более пустые предположения» [8. С. 336]. Начнем с примера, раскрывающего характер мышления греческого философа. Существует старая задача для проверки внимательности и умения мыслить логично: «Что тяжелее, килограмм железа или килограмм пуха?». Аристотель в сочинении «О небе» задавал аналогичный вопрос: может ли воздух быть тяжелее земли, например, если воздуха много? Его ответ таков: воздух всегда легче земли, даже если его много [3]... Дело не в том, что мы неправильно понимаем философа, а в том, что, по Аристотелю, вещь такова, каковы ее наблюдаемые эмпирические качества. В противовес Платону, Аристотель не считал, что чувственные качества вещей могут быть кажущимися, и что есть какая-то ненаблюдаемая трансцендентная сущность вещи (которую, как известно, Платон называл *идеей* вещи). «Сущность вещей в самих вещах» – этот принцип Аристотеля означал, что сущность вещи такова, какой вещь нам представляется в опыте, в ее эмпирически данной форме. Поэтому, если вещь кажется легкой (легкость – эмпирическое свойство вещи), то таковой она есть и по сути. Воздух не может потерять свою сущность, поэтому он (как и пух) не может весить больше земли.

Отметим, что эта особенность мышления Аристотеля – феноменализм – не есть следствие древности. Многие его современники мыслили, различая видимость и сущность. Более того, для времен Аристотеля характерна борьба этих двух линий: сознание, сводящее сущность к видимости; и сознание, разводящее видимость и сущность (например: Платон, Демокрит). Эта борьба была и остается характерной для западного сознания. Однако по большей части оно склонно брать форму – наблюдаемое, видимость – как нечто самодовлеющее; брать ее саму по себе, как явление в отрыве от сущности.

Приведем характерный пример. Аналогом вопроса: «Что тяжелее, килограмм железа или килограмм пуха?» – в наше время мог бы быть вопрос: «Кто сделал больший вклад в победу над фашизмом: демократический Запад или сталинский Советский Союз?». Феноменализм западного сознания ведет к известному ответу. Более того, западное сознание причисляет фашизм и сталинизм к явлениям подобным, а, значит, стоящим «по одну сторону баррикад».

Запад и в целом обустроивает жизнь, конструируя в первую очередь систему форм. Это остается характерной тенденцией в социальной сфере, в гуманитарных практиках, в философских системах и т. д. В этом плане характернейший новейший (хотя и сугубо частный) пример – современная практика гендера как конструируемой половой идентичности, не зависящей от реального, природного пола.

Эгоцентризм и понимание реальности у Аристотеля

С определенным основанием можно отнести к базовым положениям Аристотеля его учение о том, что есть реальность как таковая: учение о субстанции [6]. Субстанция – *οὐσία*, усия, в исходной терминологии Аристотеля. Субстанция, по Аристотелю, это не просто то, что есть, а то, что есть таким, каким мы его имеем в опыте, «здесь и сейчас»; это то, что смогло сделаться воспринимаемым для нас конкретно именно «таким». Отсюда аристотелевский термин «чтойность». Понятно, что так понимаемая субстанция всегда единична, как некий наличный объект. Аристотель так закрепил понимание реальности (субстанции) как чего-то данного не вообще, а именно мне, субъекту-наблюдателю, и данного в привязке к определенному месту и времени. Определенное основание для этого дало само слово *οὐσία*, которое в разговорном греческом языке обозначало жилище, недвижимость, имущество, т.е. нечто именно «мое». Для Аристотеля реальность – это то, что дано лично мне,

т. е. то, что контролируешь, чем владеешь. (Аристотель был неравнодушен к собственности: «Трудно выразить словами, сколько наслаждения в сознании, что нечто принадлежит тебе» [4. С. 410].)

Итак, реально то, что показало мне себя как реальность. И оно таково, каким себя показало мне, находящемуся здесь и сейчас. Известный исследователь устройства интеллекта человека Ж. Пиаже называл такую позицию познавательным *эгоцентризмом* [14]. Как раз для такой позиции чувственно данные свойства всегда реальнее идей.

Эгоцентризм в тех или иных формах стал одним из характерных свойств западного менталитета, его «визитной карточкой». Как некая базовая ментальная матрица он был закреплен Аристотелем в виде геоцентрической модели вселенной, которую он тщательно разработал и отстаивал. Несмотря на преодоление эгоцентризма Галилеем и Коперником в сфере представления о космосе, культурно-цивилизационные «тени» геоцентрической модели не исчезли. Проекция этой матрицы усматривается, например, в различных формах элитаристского сознания: европоцентризме, культе родовой европейской аристократии, вариациях расизма, британоцентризме и т.п. Персоцентризм, индивидуализм, вероятно, тоже являются проекциями эгоцентризма. Европейское сознание дало эгоцентризму ценностный «футляр»: для человека Запада личное эго, личная позиция, личное мнение, личный успех, личные достижения и т. п. – ценности. Когда единичное реальнее общего, тогда и личность априори ценнее общества и общего блага. Иногда эгоцентризм получает даже религиозное освящение: вероятно, в том числе эгоцентризм двигал инквизицией, осудившей Галилея и Бруно за посягательство на исключительность Земли, человека и «квинтэссенции» человечества – католической церкви во главе с Папой.

Цели как причины вещей и система «мест» в мире

У Аристотеля важное место занимает учение о причинах (началах) вещей: форма, материя, цель и причина [1]. Это учение – одна из методологических основ философии Аристотеля: с него начинается книга «Метафизика». Наибольшим своим отличием от прежних мыслителей и своим достижением он считал представление о цели как одном из ключевых начал вещей, поскольку о форме, материи и причинах рассуждали Платон, Демокрит, Анаксагор и др., а о целях – он первый. Действительно, с Аристотеля берет свое начало телеологический способ объяснения – объяснение *целью*. И, вероятно, именно телеологизм лежит основе активно-деятельностного характера западной цивилизации, ее прагматизма.

Что такое цель? Цель – это образ, выступающий как некая иллюзия, «тень», которая, тем не менее, осуществляется. Возможное, которое становится реальным. При этом цель – едва ли не самое явное и очевидное свойство вещи. Например, самое простое и очевидное, что мы можем сказать о чашке – то, что это предмет, предназначенный для того, чтобы в него что-то наливать, т.е. для несения жидкости. Но при этом в данный конкретный момент чашка, возможно, не несет жидкость. Значит, цель – это такое свойство, в котором стирается граница между возможным и реальным. Когда мы понимаем мир через приписывание целей всем вещам и явлениям, то мы перестаем фиксировать такую границу. Неразличение возможного (а таковым может быть, например, желаемое) и реального обуславливает то, что приписываемые вещам цели становятся их реальными свойствами.

Удивительно, что Аристотелю приписывают заслугу введения различения потенциального и актуального [10]. Получилось наоборот – размывание понимания реальности, как включающей и потенциальное. На деле это оборачивается даже замещением, подменой реального потенциальным. Что имеет определенные следствия, порождает своеобразные суждения. Так, злодей – тот, кто способен совершать злые поступки, а не лицо, их совершившее. Рабом становится только склонный к рабству, а не тот, кто стал таковым в силу стечения обстоятельств; поэтому не может быть моральных препятствий перед эксплуатацией раба, типа «раб тоже человек» [6]. (Обратим внимание, что учитель Аристотеля Платон придерживался несколько иной позиции. По Платону, все люди (их души) равны в причастности к миру идей, что в его представлениях было равнозначно причастности к Божественному Миру.)

Аристотель считал, что цели – одни из главных свойств вещей, поэтому они – определяющие и константные характеристики чего-либо или кого-либо. Главные цели не выбирают, с ними вещи, как и люди, рождаются. Например, со стремлением к истинной цели человеку нужно родиться, это свойство благородных людей (в отличие от рабов, которые по природе своей стремятся к низменному). Хороший человек хорош, потому что в него вложена природой цель быть хорошим и потому что

стремится быть хорошим; а злодей по вложенному в него природой стремлению стремится к плохому, и потому он злодей [6] (очевидно, что такие идеи удобны для обоснования элитаристских концепций). У каждой вещи есть своя естественная цель, а тем самым – место в мире. У камня – внизу, поэтому его естественная цель – быть внизу; поэтому он падает, если не внизу. У огня – вверх, поэтому он горит вверх [5]. Мы узнаем цели людей и вещей, и из них объясняется, что и кто они, и что совершают.

Следствие приписывания целей всем вещам в мире – понимание мира так, что все цели всех вещей образуют как бы систему «мест», стационарных ячеек в мироустройстве. Так возникает и общая особенность аристотелевской картины мира, ее топологический характер. Всё, что есть в мире, имеет свое естественное место и соответствующие месту качества. Земля – в центре мира, не движется, и она, соответственно, тяжелая. А огненное Солнце летает вокруг Земли, оно из легкого и подвижного огня. (Приписывание целей вещам (как и топологичность представлений о мире), согласно Ж. Пиаже, – также свойство эгоцентрического мышления. У Пиаже это названо «артифициализм» [14].)

Топологичность понимания мира находим и в менталитете западного человека. Давно отмечено, что европейцу присуще принятие своей «ячейки» в социуме, со «встроенными» в эту ячейку жизненными целями и смыслами, как атрибута миропорядка. Однако парадокс в том, что западное сознание привязано к своей «ячейке», но одновременно эгоцентрично: человеку кажется, что мир дан именно ему, и значит именно он, в своей «ячейке» – мерило происходящего в мире. Так получается, что «знающие свое место» «маленькие люди» мнят себя вершителями судеб народов мира. При этом приписывание целей («злой или доброй воли», склонностей, потенциала) окружающим вещам, событиям, людям, народам (т.е. артифициализм) позволяет избегать проблемы моральных страданий: с человека как бы снимается ответственность.

Формы и невозможность равенства

Из вышесказанного вытекает следствие в мировоззрении Аристотеля, имеющее отношение к другому типу причин вещей – формам. Категория формы в его научно-философских концепциях играет не менее важную роль.

Аристотель утверждал, что формы – это то же, что платоновские идеи. В действительности формы Аристотеля – это конstellляции эмпирически наблюдаемых свойств, т.е. облики вещей, поэтому они никак не могут быть *трансцендентными* сущностями вещей – платоновскими идеями. Например, формы «стихий», или «элементов» (земля, огонь и т. д.) образованы сочетанием качеств. Так, вода – это первоматерия, форма которой образована сочетанием двух чувственно наблюдаемых качеств – холодность и влажность [2].

Что такое свойство? Это то, чем одна вещь отличается от другой. Свойство «продуцируется» сравнением вещей, нахождения различий между ними. Поэтому свойства относительны, хотя за ними и может стоять некоторая проявляющаяся посредством них сущность. Но Аристотель отрицает трансцендентные платоновские идеи, т. е. сущность, отличную от свойств. Поэтому свойства не могут выявляться иначе чем методом нахождения различий между вещами. Так же и форма не проявляет сущность, а, будучи совокупностью свойств, является суммой различий и подобий между вещами. Формы здесь в конечном счете – продукт их взаимного сопоставления, как бы проекции одних вещей в другие, существуют лишь друг относительно друга. Но формы, так понимаемые, не могут быть равными, поскольку равны могут быть лишь независимые друг от друга объекты, равенство которых устанавливается не посредством взаимного сравнения, а посредством установления общности их в отношении к чему-либо третьему (равенство – всегда равенство в чем-то). Например, к идее. Но Аристотель не Платон, идеи он отрицал, поэтому в картине мира Аристотеля равенство как характеристика чего-либо в мире невозможно (возможны подобия, однако подобие – это совпадение видимостей, редукция одной кажимости к другой, что не есть равенство – по определенному свойству – двух разных объектов).

Картина мира Аристотеля построена на неравенствах: больше – меньше, лучше – хуже, тяжелее – легче и т. д. Идеи в такую картину мира не могут «вписаться», поскольку идеи предполагают и обеспечивают тождество (равенство) противоположностей (противоположностей, которые никак не подобны друг другу). Например: идея веса – это «чудесное» равенство тяжелого и легкого, а по Аристотелю такое чудо невозможно: тяжелое и легкое – это очевидно разное.

Но более того. По Аристотелю, противоположные свойства – это два стационарных субстанциональных свойства разных вещей. Т. е. хотя свойства не могут выявляться иначе, чем методом на-

хождения различий между вещами, у Аристотеля они не относительны, и им приписывается субстанциональный статус, вследствие чего и формам приписывается тот же статус. Свойствами (а не некими трансцендентными «идеями») определяется, как ведут себя эти вещи. Поэтому, по Аристотелю, например, правильность и неправильность – это два *разных* свойства государств, и, соответственно, государства, он считал, бывают двух видов: «хорошие» и «дурные». Или: люди делятся на господ и рабов, и они не могут поменяться местами, поскольку то и другое – разные породы людей с разной физической и умственной организацией [4].

Субстанциализация относительных свойств и форм, ими образованных, в разные периоды то больше, то меньше вообще характерно для западного сознания. Так, деление на господ и рабов как разные породы людей в целом на Западе воспринималось как норма до революций XVIII-XIX вв. Однако в XX веке благодаря Ч. Дарвину и социал-дарвинизму в западном сознании произошел ренессанс этой когнитивной схемы. Идеологи нацизма, например, реализуя эту схему, делили людей на такие породы: люди, недолуды и антилюди. В наше время с яркостью она проявляется в русофобии.

(Из сказанного следует, между прочим, что идеологическим «прадедушкой» фашизма следует признать, вопреки ставшему уже привычным мнению К. Поппера, Аристотеля, а не Платона. Поппер считал сущностью фашизма тоталитаризм как тотальный контроль государства над индивидом. Но очевидно, что «чрезмерность контроля» – сугубо относительная, оценочная характеристика. Она зависит от впечатлительности оценщика, его способа оценки и намерений. Поэтому попперовская концепция тоталитаризма – это не более, чем субстанциализация относительного свойства «повышенный, чрезмерный контроль». Парадокс в том, что субстанциализация этой характеристики ставит Поппера (как и опирающегося на него Дж. Сороса) не по разные, а *по одну сторону* с фашизмом.)

Таким образом, формы, взятые как нечто самоценное, самодовлеющее, в отрыве от идей, которые они могут воплощать, реализуют схему, в которой равенство невозможно. Поэтому они образуют иерархию форм как форм лучших и худших, высших и низших и т. д. [11]. В динамике это выражается в конкуренции форм, в неизбежном неравновесии как базовом принципе картины мира.

Это находит отражение в психологическом тоне западного сознания. Оно пропитано тревогами, беспокойным стремлением, пристрастностью. Характерно в этом смысле для европейской философии приписывание *интенциональности* (по сути – внутреннему неравновесию) статуса онтологической характеристики человеческого сознания вообще. На самом деле это свойство преимущественно западного, «фаустовского», сознания, движимого «заботой» и поиском самоутверждения. При этом абсолютизация интенциональности обосновывает для человека Запада присвоенное им право на экспансию по отношению к «варварам» (с характерным сочетанием псевдозаботы с агрессивным утверждением своего заведомого превосходства).

Иерархизация форм работает и внутри: западные общества всегда были явно или неявно структурированы по вертикали, как иерархия сословий по родовому, имущественному или национальному признаку. Поэтому угроза сословному и имущественному неравенству, возникшая с появлением СССР, была воспринята Западом как базовая экзистенциальная угроза, для противостояния которой Запад даже пошел на сделку с фашизмом.

Корень невозможности и непринятия принципа равенства в западном сознании – в игнорировании присутствия трансцендентных (запредельных) начал в вещах.

Когнитивная матрица Аристотеля: мир – «естественная» иерархия «естественных» мест. «Либидозность» данной матрицы

Соединяя две составляющие аристотелевской картины мира – мир как систему «естественных» мест и мир как иерархию – получаем мир как статичную иерархию «естественных» мест.

Действительно, именно так устроены, по Аристотелю, и физический мир (иерархия мировых сфер, каждая со своими физическими законами), и мир социальный (иерархия слоев общества), и даже психический (растительная, животная и разумная души в человеке). Можно говорить о единой матрице. Каковы ее характеристики?

Есть низ, но низ естественен, поэтому всё стремится вниз, он – ось, *центр* мира. Всё, что есть в мире, тянется к низу как своему естественному месту, за исключением вещей из особой материи: огненной или эфирной, – которые улетают вверх и скапливаются на мировой *периферии* – небе. Обратим внимание на эту парадоксальность, внутреннюю противоречивость: низ – это центр, т. е. наиболее важное в мире, но в то же время низ – это именно низ, низшее, т. е. негативное, пренебрегаемое

(Данте в «Божественной комедии» довел эту концепцию мироустройства до логического завершения: в центре мира – Люцифер). Высшее – наоборот, лучшее, достойное, но лежащее как бы на периферии мира. Но раз на периферии, то значит высшее – необязательное, неосновное, не для всех и не для всего. Оно – для избранных.

Эта внутренне противоречивая схема Аристотеля в применении к разным объектам дает парадоксальные следствия. Например, в моральной сфере. Вспомним аристотелевскую теорию «золотой середины»: добродетель – это такие моральные свойства человека, которые не чрезмерно сильны и не чрезмерно слабы. Это – «правильное» (центральное) место между чрезмерностью и недостаточностью. Логика такого представления в том, что есть «нормальное» поведение, оно то и есть моральное, добродетельное. Правда, тогда, например, фарисейство – добродетель, поскольку в его основе нормальный и естественный приземленный прагматизм, уравновешенный демонстрируемым элементом гуманизма. «Нормальность» может быть разной у разных социальных групп, но тогда мораль – это условность. В такой схеме деградация человека может быть естественна. Лишь бы она не была чрезмерной... Получается: пусть избранные живут по своим высшим принципам, а мы должны следовать тому, куда нас тянет, своему низу. А на высшее смотреть как на спектакль (который естественен для избранных, и своей естественностью для *них* оправдывает и подтверждает правильность *нашего* движения вниз (поскольку оно естественно)). «Каждому свое». Классический пример такой иезуитской логики – оправдание греко-католической церковью государственного переворота и насильственного свержения власти на Украине: людям естественно «восставать» против власти, которая им не нравится и неприемлема; и раз так, то госпереворот – часть «Божественного» замысла, и, значит, богоугоден.

На уровне психологическом эта матрица дает нам психический низ – фрейдовское «Оно», и психический верх – «Сверх-Я». «Оно» – низ, который в то же время является подлинным центром личности. «Сверх-Я» – верх, где «живет» высшее, моральное в человеке, но это скорее периферия личности. Но всё это части одной так устроенной системы, игры, где каждый играет свою роль; в этом смысле «Сверх-Я» как бы санкционирует «Оно», моральное связано «круговой порукой» с инстинктами.

Знаменитое аристотелевское учение о катарсисе – преобразовании «аффектов» при воздействии трагедии на человека – обладает амбивалентностью того же типа. Оно основано на разжигании низших, по сути вне- или а-моральных чувств у зрителя (слушателя, читателя) в сочетании с поверхностным покрытием их «благородными» чувствами (см. наш анализ аристотелевской теории катарсиса: [16]).

Иерархическая система, возникающая из многочисленных больше-меньше, лучше-хуже и т. д. – асимметрична (как асимметрично «фаустовское» западное сознание, в силу базового свойства интенциональности). Асимметричность, как бы искривленность, обуславливает, в конечном счете, замкнутость, образование круга. Поэтому «тайной» этой матрицы является то, что она в целом представляет собой самозамкнутость, имманентность. Действительно, иерархия мест сама в целом представляет собой глобальное место, вне которого ничего не предполагается, т. е. предполагается, что вне ничего нет. При этом центром этого «глобального места» является низ. В целом это воспроизведение архетипа женского лона. Если Платон построил свою философию на небесном Эросе, то Аристотель, в противовес своему учителю, – на эросе земном, физиологическом. В этом смысле и Фрейд, с его паранойяльной либидозностью, – продукт аристотелевской мировоззренческой системы. (Можно говорить о наследовании аристотелизма Фрейдом в прямом смысле, поскольку фрейдовское понимание психических феноменов сформировалось под определенным влиянием профессора Венского университета Ф. Brentano, который, как известно, ставил задачу возрождения аристотелизма [8]).

В силу искусственности аристотелевской матрицы, в которой низ централен, а верх периферичен, в сознании человека она может легко переворачиваться, не меняя своей сути. А именно: человек может мнить себя априориверху, а на других, соответственно, смотреть как на априоринизших. В любом случае отчужденность центра и периферии создает ситуацию, когда одно перед другим воспринимается как некое внешнее зрелище. Вероятно поэтому на Западе закономерно возникают метафоры общества как театра («весь мир театр» и т. д.).

Амбивалентность этой когнитивной схемы по-видимому неизбежно продуцирует сознание приземленное и прагматичное, но с уверенностью в своей причастности чему-то высокому и моральному. Действительно, человек Запада – жесткий прагматик, но живет в образе духовного и высокоморального человека. Такова западная цивилизация в целом: ее прогресс во многом основан на эксплуатации и высвобождении низших сторон природы человека, но этот прогресс осознается как морально правильный. Классический пример: история США – это история хищнического завоевания

земель индейцев и небывалого их истребления, но для граждан США их история – история благородства людей и богоизбранности нации.

Элементы нигилизма в аристотелевской картине мира

Аристотелева картина мира насквозь относительна (любой предмет здесь, я в т.ч., существует не сам по себе, а только относительно других). Но эта относительность не проблематизируется, а принимается как императив, подлежащий принятию без критики (например, если мне повезло больше других, значит я избранный, так и должно быть).

Матрица эта, будучи базовой когнитивной схемой, порождает установку не только на весомость, важность низа, но также и наоборот, на пренебрежение, игнорирование какой-то части реальности, как худшей, неправильной и т. д. В пределе так возникает нигилизм. Пренебрежение чем-то в реальности легко трансформируется в травлю изгоев – то, чем так богата история Запада (еретики в средневековье, народы-изгои в Новое и Новейшее Время, отсталые колонизируемые народы, высмеянное и постепенно уничтоженное коренное население Северной Америки и т. д.). Психологически установка на «сброс» части реальности конституирует такой строй личности, в котором как неотъемлемый элемент действуют защитные механизмы: вытеснение, перцептивная защита, реактивные образования, проекция и т. д. Вообще, фрейдовская модель личности адекватна к личности западного человека, сознание которого отформатировано топологически-иерархической матрицей. Сама фрейдовская структура личности – вариация аристотелевской модели мироустройства, с ее амбивалентностью значения низа и верха. Следствие этой модели для идентичности – характерная западная путаница высшего и низшего (вор, имеющий идентичность элиты общества, но не стесняющийся своего воровства; развратники, занятые поднятием морали общества на более высокий уровень; инквизиторы, принявшие на себя заботу о воспитании христианского милосердия).

Трансляция схем социальных отношений в аристотелевскую картину мира

Очевидность, используемая Аристотелем как критерий истины, связана с отрицанием невидимых трансцендентных факторов в мире. Так и инквизиции казалась очевидной ошибка Галилея, который, посягая на авторитет самого Аристотеля, утверждал, что Земля вертится. Ведь вращение Земли не чувствуется! Но в данном случае проявляется еще один аспект аристотелевской картины мира: она есть конвенциональная система, обеспечивающая единство общества, замкнутость его в системе обязательных условностей. За ней стоят социальные отношения. Обоснуем это утверждение.

В отличие от Платона, стремившегося к различению истины и кажимости, для Аристотеля кажимость – это эмпирическая очевидность, и такая очевидность – критерий истины. Значит, четыре «начала» (форма, материя, цель, причина) – кажимости, так или иначе наблюдаемые образы, которые разыгрываются перед наблюдателем. Но человек – «животное политическое», как говорил Аристотель, т.е. социальное. Значит, обобщенные базовые когнитивные структуры скорее всего опосредованы опытом отношений с себе подобными. Есть известная система простейших переживаемых позиций в системе социальных отношений, описанная в психологии как «драматический треугольник»: «злодей» («преследователь»), «жертва», «спасатель» [7] (плюс четвертая позиция – «предатель» [18]). Образы этих позиций угадываются в аристотелевских началах, именно: форма – это транслированная в сферу физических предметов позиция «преследователя» (по Аристотелю форма извне, как бы насильно, подчиняет материю); материя – пассивная «жертва»; цель – «спасатель»; причина – по Аристотелю – следствие механичности материи, ее инерции, мешающей осуществлению целей и форм; это соответствует позиции «предателя». Параллель аристотелевских начал с «драматическим треугольником» (четыреугольником) нас не должна удивлять. «Драматический треугольник» – обобщение феноменологии эмоционального опыта человека в социальных отношениях, без учета или предположения каких-либо трансцендентных факторов. Это как раз вписывается в пафос аристотелизма, в его характерный феноменализм. Как вписывается в аристотелизм и неравенство членов оппозиций. У Аристотеля неравенство присутствует в понимании начал: форма активна, материя пассивна. Цель позволяет вещи осуществиться, причина инерционна, т. е. она «мешает». Так и в оппозиции «преследователь» – «жертва»: первый – активен, вторая – пассивна. В оппозиции «спасатель» – «предатель»: первый – тот, кто помогает, второй – тот, кто мешает.

Таким образом, небезосновательным представляется, что картина мира у Аристотеля неявно

построена по лекалам феноменологии социальной реальности, социальная реальность спроецирована на мир как на экран (эта версия, конечно, гипотетична). Если так, то такая картина мира с большой вероятностью становится ментальной ловушкой, из которой невозможно выйти, поскольку выход из нее – это «подрыв» социума, угроза системе социальных отношений.

Структуры социальной реальности больше транслировались в картину мира западной науки в эпоху средневековья, однако отчасти это характерно и по наше время. Так, свойственная западным социумам стратификация, деление на элиту и простой народ, с разными нормами и способами существования для первых и вторых, проецируется в раскол на духовную и физическую сферы мира. Например, раскол общества в США на так называемое «глубинное государство» и простой народ транслируется в раскол между достаточно высоким уровнем религиозности и абсолютно а-религиозной (а иногда антигуманной) научной практикой. Религия и наука для западного человека – две почти непрескающиеся сферы.

При этом, человек, находясь внутри этой ментальной ловушки, верит в свою исключительность, центральность.

Почему Аристотель отрицал возможность бесконечности?

Здесь мы выходим на еще одну характерную особенность мировоззрения Аристотеля – отрицание возможности бесконечности: бесконечности мира, пространства, числового ряда или еще чего-либо [5]. Вопрос о бесконечности по какой-то причине был нерядовым для философа, настолько, что он посвятил ему значительную часть своей «Физики». Но подход Аристотеля к бесконечности оказался очень пристрастен: философ, варьируя свою исходную позицию и аргументацию, целеустремленно доказывал одно – что бесконечность невозможна. Точнее – возможна, но лишь как неопределенность, бесформенность (что, конечно, бесконечностью не является). Неадекватность доказательств Аристотеля была в свое время высмеяна Дж. Бруно. По его словам, аргументация Аристотеля построена на подтасовках: он приписывал сторонникам существования бесконечности «глупые утверждения», которые потом легко опровергал. «Я хотел бы знать: против кого он аргументирует?» [9. С. 336].

В чем причина «неравнодушия» Аристотеля к данному вопросу? На наш взгляд, дело в том, что бесконечное – это преддверие трансцендентного, а трансцендентное (в частности идеи) Аристотелем отрицается. Не менее важно, что бесконечность «убивает» сердце аристотелевского подхода: эгоцентризм, потому что в бесконечной вселенной центр везде. Бесконечность обесмысливает «иерархию мест» в мире и в социуме, и, значит, обесмысливает чью-либо избранность. Идея конечности, следовательно, – своего рода ментальный гарант иерархического сословного устройства социальной системы, деления общества на аристократию и охлос, «господ» и «рабов»; идея бесконечности в этом смысле социально опасна.

В конечном мире господствует матрица ограниченности всего. В том числе человека. При этом ограниченность имеет две вариации: «большое» и «малое». В обществе концепт ограниченности реализуется как два состояния личности: «маленький человек» и «сверх-человек», что, несмотря на противоположность формы, являются вариациями одно и то же – ограниченности и конечности [17]. Западная ментальность «больна» этими двумя состояниями: переливами жалости к себе – «маленьким», и агрессивной и кичливой гордости за себя как «сверх-человека». Насилие – физическое и моральное – неотъемлемый компонент такой ментальности и соответствующего общества.

С другой стороны, к отрицанию бесконечности Аристотель был понуждаем самими базовыми идеями своей философии. Метод мышления Аристотеля – сравнения, и, на этой основе, – построение неравенств, иерархий. Но идея бесконечности невыводима из сравнений. По словам Николая Кузанского, «бесконечность ни для чего не *больше*, ни для чего не *меньше*, ничему не равна» [13. С. 62]. «Бесконечное количество не количество, а бесконечность» [13. С. 63].

Аристотель понимал реальность как чувственную наличность, как нечто мне данное, «моё». Так понимаемая реальность бесконечной быть не может, поскольку наличное всегда конечно.

Категория бесконечности в западном сознании была своего рода *enfant terrible*. Дж. Бруно страдал в том числе за нее. В целом она занимает определенное место в науке, однако в наше время она часто не принимается. Так, доминирующая гипотеза в физике – наша вселенная конечна. Пессимизм, характерный как правило для новейших западных социальных и философских концепций, также коррелирует с непринятием идеи бесконечности мира как органического, соприродного человеку свойства мира.

Рассмотрим еще один аспект понимания реальности как конечной: оно продуцирует субъект-объектное противопоставление. Действительно, данное противопоставление проходит красной нитью через философию Аристотеля (хотя сами термины «субъект» и «объект» – продукт более поздней эпохи). Оно как некая базовая мыслительная схема выражается в оппозициях: формы и материи, единичной личности и ее собственности, господина и раба, аристократии и охлоса, и, наконец, божественного двигателя (субъекта) и конечного шарообразного мира (объекта). Конечная шарообразная вселенная – это объект деятельности предельного божественного субъекта. «Деятельность» – категория, органично возникающая при противопоставлении субъекта и объекта, а также при использовании понятия цели как объяснительной категории. В этом смысле Аристотель может быть охарактеризован как предтеча деятельностного подхода в философии. Но в то же время есть и существенное различие. Дело в том, что у Аристотеля оппозиция субъектных и объектных образований – частный случай древнего противопоставления мужского и женского начал, что делает невозможной собственно деятельность, поскольку деятельностно-трудовой процесс редуцируется к квази-сексуальному. Причиной этой редукции является как раз замена бесконечности конечным. Поясним.

В деятельности, в ее классическом понимании, объект – не место импульсивного сброса энергии, а некая исходно самостоятельная реальность. Это предмет, целенаправленно и контролируемо обрабатываемый субъектом. Но такой объект может существовать лишь в горизонте бесконечности – гомогенного, связанного, нейтрального пространства (Дж. Бруно: «вселенная бесконечна, и поэтому она не имеет ни центра, ни края» [9. С. 384]). Конечное пространство не может быть таковым (гомогенным, связным и нейтральным), поскольку в нем есть центр и периферия, и пребывание в них определяет качественные различия. В таком пространстве объекты – производное от места, т.е. они не являются самостоятельной объективной реальностью. Учитывая же, что место – это сумма возможностей для тех или иных актов, то то, что называют объектом, здесь – скорее проецируемые субъектом образы (образы-стереотипы, образы-концепты, образы-мечты или даже образы-ложь). Ф. Брентано называл это «интенциональными объектами» [8. С. 33], имея в виду несамостоятельность таких квази-объектов, их существование внутри интенций (актов субъектной активности). Деятельность в этих условиях – это скорее выражение отношения к квази-объекту (которые могут именоваться «ценностями»), а не контролируемый процесс преобразования объекта. Но если объекты – производные от места в пространстве, и первичным является место, то и вообще действительность – это места. Приложение активности к месту есть не деятельность с объектом, а сброс энергии, носящий квази-сексуальный характер. При том этот сброс может выполнять функцию своего рода жеста выражения отношения к каким-либо ценностям.

В этом скрытая притягательность и в то же время ущербность западного мировоззрения и идентичности.

Таким образом, анализ схем, используемых Аристотелем в ряде своих теоретических построений, приводит нас к выводу о возможной их связи с эгоцентрическим мышлением. По-видимому, также основа отрицания Аристотелем платоновских трансцендентных идей и отрицания бесконечности одна и та же: это неприятие Запредельного, Трансцендентного.

Многие из этих схем – эгоцентризм, отрыв явления (формы) от сущности, сложность принятия категории равенства, иерархизация мира, амбивалентность верха и низа и т.д. – находим в западной картине мира. Неприятие бесконечности мира выражается в антропо- и западо-центризме, тенденции к замыканию себя на свой «возделанный», а-космический «цивилизованный мирок», приписывании другим культурам варварского (якобы анти-ценностного) характера. Стремление к использованию в социальной жизни различных сублимированных форм либидо – также характерная черта западного менталитета. Таким образом, есть основания полагать, что учения Аристотеля, его стиль мышления, оказали существенное влияние на формирование определенных базовых структур западной картины мира и мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1 / Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. С. 63-368.
2. Аристотель. О возникновении и исчезновении // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 3 / Вступ. статья и примеч. И.Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981. С. 379-440.

3. Аристотель. О небе // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 3 / Вступ. статья и примеч. И.Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981. С. 264-378.
4. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4 / Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 375-644.
5. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 3 / Вступ. статья и примеч. И.Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981. С. 59-262.
6. Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. 544 с.
7. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений / Перевод А.А. Грузберг-га. Екатеринбург: ЛИТУР, 1999. 161 с.
8. Брентано Ф. Избранные работы / Составл., перев. с нем. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с.
9. Бруно, Дж. О бесконечности, вселенной и мирах // Бруно Дж. Диалоги / Ред. и вступ. статья М.А. Дынника. М.: Гос. изд. полит. лит., 1949. С. 295-448.
10. Зубов В.П. Аристотель. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 336 с.
11. Левин К. Переход от аристотелевского к галилеевскому способу мышления в биологии и психологии // Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 54-84.
12. Марей А. (кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ВШЭ, доцент кафедры практической философии факультета философии ВШЭ). Лекция «Политическая философия Аристотеля». URL: <https://postnauka.ru/video/24266> (дата обращения: 30.09.2019).
13. Николай Кузанский. О видении бога // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т. 2. / Общ. ред. В.В. Соколова и З.А. Тажуризиной. М.: Мысль, 1980. С. 33-94.
14. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Римис, 2008. 448 с.
15. Фортунатов В.В. Всемирная история в лицах. СПб.: Питер, 2013. 850 с.
16. Яновский М.И. Катарсис и проблема насилия в искусстве // Вестник Донецкого педагогического института. 2017. № 3. С. 131-136. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35059645> (дата обращения: 30.09.2019).
17. Яновский М.И., Приймак А.Ю. Влияние фильма-боевика на моральные аспекты Я-концепции зрителя (постановка проблемы) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 416-427. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-416-427
18. Яновский М.И. Проблема изменения Я-концепции под влиянием просмотра кинофильма // Вопросы психологии. 2012. №1. С. 92-99.

Поступила в редакцию 30.09.2019

Яновский Михаил Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии

E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

Яновская Лариса Владимировна, кандидат психологических наук, доцент

E-mail: yanovlar1@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (Донецк)

283001, ДНР, Донецк, ул. Университетская, 24

M.I. Yanovsky, L.V. Yanovskaya

ARISTOTELISM AS THE BASIS OF THE WESTERN WORLD VIEW

DOI: 10.35634/2412-9550-2019-29-4-402-412

There are reasons to believe that the teachings of Aristotle, his way of thinking, had a significant impact on the formation of certain basic structures of the Western worldview and the thinking of Western people. The features of Aristotle's thinking patterns include: egocentrism in the basis of understanding of reality; phenomenologism (use of forms and phenomena in theoretical constructions without reference to essence); attitude to form as a self-sufficient principle, in isolation from the content; Aristotelian method of thinking suggests similarity, but does not imply the possibility of equalities, identities; therefore, in the Aristotelian picture of the world, the structure of the world is possible only as hierarchical; the use of causality that is close to everyday – teleological – causality, which leads to an understanding of the world as a system of fixed places, with its “embedded” a priori goals; a combination of two schemes in a world picture – hierarchism and a system of places – gives rise to an idea of the world as a hierarchical system of fixed places; this is how the physical, social and mental worlds are understood; the idea of the world as a hierarchical system of fixed places leads to a general scheme of understanding the world, which serves as a matrix for understanding other objects (for example, a person): the world has a center and periphery, with the center being the bottom and the top being the periphery; in the centrality of the lower and the peripherality of the higher there is a deep ambivalence; negation of in-

finity denies the possibility of any other picture of the world, and contains an implicit denial of the reality of the world. These mental schemes can be regarded to some extent as a key to Western thinking and the Western picture of the world.

Keywords: Aristotle, picture of the world, West, egocentrism, phenomenalism, infinity, cognitive scheme, teleologism, system of fixed places.

Received 30.09.2019

Yanovsky M.I., Candidate of Psychology, Associate Professor at Department of Psychology

E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

Yanovskaya L.V., Candidate of Psychology, Associate Professor

E-mail: yanovlar1@mail.ru

Donetsk National University (Donetsk)

Universitetskaya st., 24, Donetsk, DPR, 283001